

Родился в Москве. Учился на историческом факультете Московского областного педагогического института. Стихи печатались с 1989 года в журналах «Юность», «Новый Мир», «Дружба народов», газете «Гуманитарный фонд». Автор книг «Корни огня» (М.: ЛИА Р. Элинина, 1994), «Тяжёлая слепая птица» (М.: Крымский клуб, 2012; посмертно). В 1992 году вместе с Андреем Поляковым и Игорем Сидом создал московско-крымскую литературную группу «Полуостров». Посмертно стихи печатались в журналах «Арион», «Воздух», в антологиях «Строфы века», «Самиздат века», «Русские стихи 1950–2000».

СТРАШЕН ГОРОД КИТЕЖ

* * *

Я с вами говорю из ада,
там, где не выпьешь на троих.
Вы не забыли глаз моих
и моего больного взгляда?

Отсюда чуть видна Земля
по телевизору цветному.

Здесь не передают рекламу —
здесь начинают всё с нуля, —

с огня, с пещеры, с колеса,
со стула, что собственноручно
сколотит гвардии поручик
тебе в укор за полчаса.

И ещё надо доказать
свои права на первородство,
и отступает благородство,
и ещё надо доказать.

* * *

Муравьиный полк погибал в горах,
где титана смутно глыбился пах.
Муравьиный полк, муравьиный полк,
пол-версты — полёт — автоматный щёлк.
Муравьиный полк загнан, словно волк,
в царство злых камней, в миномётный шёлк.
Полоумный полк расставлял посты,
и вблизи от мин он сажал цветы.
И в палатке каждому муравью
снилась самка с лапками восемью...

* * *

Тяжёлая слепая птица
назад, в язычество летит,
и мир асфальтовый ей снится,
и Гегель, набранный в петит.

Молчанье жирное зевает.
Она летит, в себе храня
густую память каравая
и корни чёрные огня.

Она летит над лесом топким
воспоминания и сна,
летит из черепной коробки
осиротелого пшена.

Она летит из подсознания
в глухой берёзовый восход,
и изморосью расставанья
от крыльев глиняных несёт.

* * *

Страшен был город Китеж,
когда из воды поднялся.
Всё сгнило и почернело,
отдаёт болотную тиной.
К клетям пристали коряги,
утопленник с вздувшейся мордой,
и извиваются щуки
во светлых храмах Господних.
Я опускаю руки: не мне этот город чистить,
не я его и придумал,
не я его и топил.

* * *

Струились женщины, горели зеркала,
и воздух весь заполнен был смычками,
и букву «ять» богиня родила,
тяжёлую и влажную, как камень.

И отбыл я на некую звезду,
с собою взяв, словно в больницу, всё своё.
Христос с моей душой беседовал в саду
и удивлялся угловатости её.

И было небо птицами покрыто,
тревожно улетающими на юг,
и в древний мир, теснившийся вокруг,
Батыев конь впечатывал копыто.

* * *

Мне обрубили руки
и врыли ногами в землю,
щёки пробили гвоздями
и застеклили раны.

И я стою неподвижно,
и я стою так спокойно!
и только дрожу ночами,
пытаясь взлететь к луне.

И кто-то идёт по карнизу,
счастливый и невесомый,
прижимаясь всем телом
дрожащим ко мне, ко мне.

Но стоит взойти солнцу,
я вновь становлюсь одиноким,
и только кровельщик пьяный
лезет по мне, сопя.

* * *

День догорал... Кряхтели пустыри,
брехали псы. Все было ненадёжно.
Как мне писалось в этот странный вечер —
рублей на восемь за ночь нагорело!
Я выключил тогда торшер и бра
и подошел к окну. И увидел
Россию.
И проводы гуляли за окном,
и ночь впадала в Кунцево дождём,
и страшный, страшный, страшный Млечный Путь
предупреждал...

* * *

На чёрта, говорю, эта страстная ярость двуперстья,
чёрных платов угрюмость, Третий Рим, ледяная пурга?
Мне б залечь на печи, порастить лишаями и шерстью,
только без дураков, засапожных ножей — на фига?
Этот вопль... Мне на голову словно обрушилась тонна.
Эта гниль подворотен, ужасающий русский бардак.
Чернокрылая мысль отделяется плавно от тела
и, взлетая, парит над вечернею страшной Москвой.
Я — пришелец с миров, где пространство
восьмёркой закручено.
И когда меня Бог перенёс через холод и тьму,

я очнулся в траве, шебуршавшей, как будто уключины
над осокою озера — и понял тогда, почему.
Стало ясно всё вдруг — и от боли виски заломило,
и сверлом обжигающим мне через череп прошло.
А потом пала мгла. И так мило мне стало на свете,
что с морозной звезды донести тебе правду могу.
Мне легка эта ноша. Но если глагол исступленья
на широкие площади вырвется в треске пальбы,
буду биться я лбом о щербатые эти ступени,
по которым проносят щелястые эти гробы.
А когда успокоится всё, и отделит архангел
всех овец от козлищ, и над городом сникнут думы,
я спрошу себя: что делал я в этот вечер воскресный?
И отвечу спокойно: я писал. О, я только писал.

* * *

В позвонках усталого Кавказа,
в Грузии — в его спинном мозгу
я усну, как греческая ваза,
согнутый в ужасную дугу.

Не взывай: за что же, мол, боролись,
лучше-ка отколоти слугу.
Напоролись мы на электролиз.
Это больно. Больше не могу.

А на Пасху выпал снег.
Было всё бело и спело.
И, сырой и угорелый,
город поднял нас на смех.
Город тыкал пальцем в нас,
он дурачился, кривлялся.
Я, когда Христос смеялся,
на Него не поднял глаз.
Я Его не распинал.
Но, подобно фарисею,
благодарен быть не смею,
что Его не продавал.
Шел последний, чёрный снег,
и равнял он всех со всеми.
Писаны об этой теме
томы всех библиотек.
Только ветер, и ничто
больше, был при интересе.
Он кричал: «Христос воскрес!»
и срывал с людей пальто.
И широкая заря
занялась на всю седмицу,
и толпа во храм стремится,
и воскресла вся Земля.
И молился я со всеми,
многогрешный и дурной,
и Христос в высоком шлеме
восставал передо мной.